

вступ. ст., публ. и прим. А. В. Нестеровой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30).

Святитель Григорий Двоеслов. Беседа IX, говоренная к народу в Церкви Св. Сильвестра в день его мученичества // Сорок бесед на евангелия [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Dvoeslov/besedy-na-evangeliya/9. (дата обращения 24.04.2021)

Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 78 // Беседы на евангелие [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/78 (дата обращения 24.04.2021)

Симеон Полоцкий. Обед душевный, М., 1681. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003393518#?page=1> (дата обращения 23.03.2021)

Maximova M. I. Work and talent in a sermon of the homilist of the 17th century

Abstract: the gospel parable of talents has many interpretations made by homilists of different times. By the 17th century there is considerable experience of various interpretations of the same characters, but there is always a way to make addition or extension for previous interpretation. This article presents an analysis with elements of comparison of sermons of Symeon Polotsky and the author of 'Statir'.

Keywords: parable of talents, sermon, homily, work, homilist (mentor), Symeon Polotsky, Statir.

А. Д. Калинина

(научный руководитель – доктор филологических наук Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Образ пьяницы в литературе XVII века: синтез сатирического и дидактического

Аннотация: на материале текстов Поучения 45 о пьянстве из рукописного сборника конца XVII века «Статир» и сатирической повести «Служба кабаку» устанавливается генезис образа пьяницы в произведениях демократической сатиры и проповеди, анализируются способы изображения греха пьянства в зависимости от модуса произведения. Рассматривается сочетание сатирических и дидактических элементов, используемых авторами в образе пьяницы, определяются особенности, присущие каждому жанру, их кроссжанровые пересечения и различия.

Ключевые слова: винопитие, поучение, сатира, «Статир», «Служба кабаку», синтез, дидактизм.

Актуализировавшаяся в XVII веке в связи с новой кабацкой политикой – запретом для низших сословий готовить и употреблять алкоголь дома – проблема пьянства получила широкое распространение в различных жанрах литературы этого времени. Сформировавшийся и устоявшийся в народном сознании образ пьяницы стал использоваться для воздействия на общество как в учительной церковной литературе, так и в повестях демократической сатиры, которая выделилась как жанр именно к XVII веку. Но и до этого сатирические элементы широко использовались в древнерусской литературе для обличения грехов и нравственных пороков [Былинин, 1986: 6]. Нравоучительные проповеди о пьянстве, восходящие к обличительным сочинениям отцов церкви, сочетая сатирические и дидактические черты, подготовили почву для изображения пьянства в произведениях демократической сатиры, поэтому в текстах поучений и сатирических повестей обнаруживаются общие места, связанные с образом пьяницы и выполняющие

одинаковые функции. При сохранении в проповеди и в сатире общих характеристик пьянства и пьяниц акценты расставляются на разные черты образа в зависимости от модуса произведения.

Ярким примером обращения к сатире является «Моление» Даниила Заточника (XIII в.), в котором автор широко применяет уничижительные сравнения и народный юмор для усиления обличительного пафоса. Подобными сравнениями сатирического характера изобилует текст Поучения 45 о пьянстве из сборника проповедей «Статир» (XVII в.), причем такая система сравнений, характеризующая пьяницу, встречается еще в святоотеческих нравоучениях VI–V веков. Чаще всего автор «Статира» сравнивает пьяницу с беснующимися и с животными, показывая этим его униженное положение. Такие сравнения, использующие низкую бытовую лексику и отталкивающие внешние проявления греха, резко обличают поведение пьяницы: «И яко песь бестыдствуетъ, и внѣ ума своего бываетъ, и по земли валяется, и пѣны из него блевотить, яко от пса бѣсящагося текутъ»; «пияница <...> в корчемнице со блудницами гнуснѣйшею трапезой питается, яко свиния в калѣ валяется» [«Статир»: л. 187 об.].

Однако задача нравоучительной проповеди не сводится только к обличению порока в бытовом контексте – дидактический смысл заключается в выявлении греха на сакральном уровне. В 45 слове эта же система сравнений позволяет объяснить, почему пьянство является грехом: «Свиния убо по естеству калоядна, бѣснуемый же по нужды Б(о)гу попустившу, пияница же самоволно вдався в токовое безобразие и неистовство...» [«Статир»: л. 188]. Обвиняется сам пьяница, вина которого заключается в добровольном изменении данного Богом облика. Так автор выводит тему с уровня профанного (бытовое пьянство) на уровень сакрального (ослушание Бога), реализуя дидактическую функцию при помощи сатирического приема.

Демократическая сатира расширяет привычные для церковной литературы рамки изображения пьянства и обращает внимание на социальный аспект. Обличение в «Службе кабаку» направлено уже не только против пьяницы, но и против кабака, где спаивается народ [Адрианова-Перетц 1937: 27]. Автор «Службы кабаку», обращаясь к кабаку, заимствует систему сравнений и использует тот же парафраз из Златоуста, что и автор «Статира»: «Беснующему ли тя уподоблю, но беснующий неволею страждет, ты же самоволно скакати и плясати повелевавши» [Лихачев 1984: 234], но «переворачивает» цитату так, что вина лежит уже не на человеке, а на кабаке, который заставляет людей пить. Дидактический пафос цитаты позволяет сатирической повести точно обозначить новую для обличения пьянства проблему – феномен кабаков, получающих прибыль с пропивающих свое имущество пьяниц, а значит, заинтересованных в их пьянстве. Отмечается также концепт добровольности, который относится не только к феномену кабаков, как в приведенной выше цитате, но и традиционно к самим пьяницам: «Приидете, безумни, и воспойте песни нелепые пропойцам, яко из добрыя воли избраша себе убыток» [Лихачев 1984: 226, здесь и далее курсив – А.К.].

В каждом из жанров встречаются элементы, которые не являются основным средством достижения главной функции произведения – в Поучении встречаются элементы с ярким сатирическим пафосом, в сатирической повести – с ярким дидактическим пафосом. Например, сатирическое описание внешнего вида пьяницы и в проповеди, и в сатире служит для эстетического воздействия на читателя или слушателя, поэтому автор делает его натуралистичным и резким, но возможности каждого жанра вносят в образ свою специфику. В 45 слове о пьянстве сатирическое изображение пьяницы усиливает обличительный пафос, особенно он усиливается в связи с пьянством женщин: «зубами скрежещеть и уды тѣла своего кусаючи терзаеть, и очи выворачиветь, а ничтоже не видить»; «мерзостна жена згорѣвшимъ в ней виномъ дыхающая, возсмердѣвшими и согнившими мясами рыгающая» [«Статир»: лл. 187 об, 189 об.]. Здесь визуальный образ складывается из красноречивого перечисления действий, которые должны испугать, шокировать, вызвать отвращение, и тем самым обличить поведение

пьяницы. Сатирический жанр позволяет сделать описание внешности еще более ошеломительным благодаря обращению не только к обличению, но и осмеянию. В «Службе кабаку» широко используются изображения наготы и материально-телесного низа: «Яко утвердися на кабаке пьючи, голым г... сажу с полатей мести вовеки», «Наг объявляшеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол. Когда сором, ты закройся перстом», «поди к нам на полати и приставай к нашему стаду, садися с нами на печь голым г... сажу мести. Поедем с полатей, оголи г..., на печь» [Лихачев 1984: 225, 227, 230]. Присущего жанру проповедей красноречия уже нет, но требуемый эффект достигается за счет использования маркированной лексики.

Дидактические элементы в сатире имеют явные «поучительные» корни. Для поучений важно как показать слушателям или читателям суть греха, так и поставить их на путь борьбы с ним [Феодосий 1999: 251], поэтому нравоучительные проповеди содержат примеры праведной жизни, наставления о том, как избежать упомянутого греха и как с ним бороться. Автор «Статира» в 45 слове, помимо обличения внешности и поведения пьяницы, обращает внимание на попытку переложить ответственность за грех пьянства с человека на вино. Цитируя Златоуста, он заключает: «Ни, братия, не оклеветайте вино, но пьянство, ибо вино дано намъ да веселимся, а не яко безобразуем, да смѣмся, а не подсмѣяни будемъ, здравствуем, а не да недугуемъ, да немощь тѣлесную исправляемъ, а не яко д(у)шевную крѣпость низлагаемъ» [«Статир»: л. 191]. В «Службе кабаку» встречается парафраз из Книги Притчей с этим же смыслом: «Невинно бо есть [нам вино], но проклято есть пьянство с неудержанием. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель» [Лихачев 1984: 226]. Оба отрывка указывают слушателю или читателю, что винопитие не порицается, если напиток употребляется разумно.

Синтез сатирических и дидактических черт в образе пьяницы в проповедях необходим, чтобы соответственно обличить пьянство и направить человека к спасению души. Положение пьяницы в обществе требует именно сатирического обличения, поэтому образ пьяницы в проповеди не может быть показан иначе, он уже отрицательно маркирован и обличен, поэтому в демократическую сатиру XVII века образ заимствуется полностью, включая дидактические черты. Специфика изображения чего-либо в древнерусской сатире подразумевает обличение и осмеяние [Былинин 1986: 7]. Поэтому в древнерусских сатирических произведениях образ пьяницы приобретает смеховые качества, не свойственные церковной литературе: акцент делается на оголении частей тела, неудачах; мир, в котором существует пьяница, выворачивается наизнанку, становится пространством для абсурда [Лихачев 1984: 13]. Дидактический пафос открыто почти не проявляется, он также переворачивается – вместо способов борьбы с пьянством сатира показывает, как человек становится пьяницей, оставляя на совесть читателя выбор между грехом и праведной жизнью.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Очерк по истории русской сатирической литературы XVII века. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937.

Былинин В. К., Грихин В. А. Становление древнерусской сатиры // Сатира XI–XVII веков. / сост., вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М. : Сов. Россия, 1986. С. 5–20.

Лихачев Д. С. Смеховой мир Древней Руси // Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Л. : Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 7–25.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1984. С. 224–237.

«*Статир*». Рукописный сборник проповедей XVII в. ГИМ. Собр. Румянцева, № 411. Поучение 45, лл. 187–191.

Феодосий, Епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 1999.

Kalinina A. D. The image of a drunkard in the literature of the XVII century: a synthesis of the satirical and didactic

Abstract: the genesis of the image of the drunkard in the texts of democratic satire and sermons is established on the basis of the texts of Homily 45 on drunkenness from the manuscript collection of the late XVII century «Statyr» and the satirical story «Worship tavern». The ways of depicting the sin of drunkenness depending on the genre of the text are analyzed. The combination of satirical and didactic elements used by the authors in the image of a drunkard is considered, the features inherent in each genre, their cross-genre intersections and differences are determined.

Keywords: wine drinking, sermon, satire, «Statyr», «Worship tavern», synthesis, didacticism.

К. Д. Ваулин

(научный руководитель – кандидат филологических наук Н. Б. Граматчикова)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Воспоминания уралмашевцев о детстве и юношестве в послевоенное время

Аннотация: в статье рассмотрены устные рассказы жителей микрорайона Уралмаш о своем детстве в послевоенное время. Темы рассказов касаются организации детского досуга, отношений между детьми, школьных мероприятий, неформальной топонимики района. Исследование автобиографических интервью проведено с опорой на работы В. Б. Голофаства, В. В. Нурковой, Т. Ю. Фёдоровой.

Ключевые слова: Уралмаш, автобиография, послевоенное детство, устные истории

Память наших старших современников хранит воспоминания о событиях первого послевоенного десятилетия, на которое пришлось их детские и школьные годы. Какую роль играли в их воспитании и досуге родители, школа, государство? Как связана судьба обычного человека с жизнью района? Не случайно выбраны автобиографии именно уралмашевцев, – представителей советских жителей индустриального соцгорода. Как пишет исследователь Т. Ю. Фёдорова, «Такие источники, как автобиографические тексты, вызывают особый интерес при социокультурном анализе, так как представляют собой рассказы о жизни отдельных личностей собственного сочинения, которые содержат в себе региональные и культурные особенности общества, к которому принадлежит автор, и отражают условия, в которых данный текст был создан» [Федорова: URL].

При сборе материала мы опирались на методологию Стейнара Квале, описанную в книге «Исследовательское интервью» (2003): интервью проходили в формате беседы, это помогало расположить информанта, однако не отходить от темы вовсе. Основой для анализа собранных текстов послужило исследование В. Б. Голофаства «Многообразие биографических повествований» (1995). Согласно методике автора, материал каждого интервью для удобства анализа был разделен на отдельные фрагменты, обозначенные им, как *обыденное* или *рутинное*, *событийное* и *скрытое*, в зависимости от занимаемой информантом позиции.

Также важно отметить, что при анализе автобиографий была использована работа В. В. Нурковой «Социальное прошлое в индивидуальной памяти», предполагающая активное отношение памяти информанта к своей роли в событиях прошлого. Автор